

Анна Канвас

Синхронист



Анна Канвас

Синхронист

«Автор»

2026

Канвас А.

Синхронист / А. Канвас — «Автор», 2026

В Ленинграде 1986 года город поёт песню лжи. Глухой синхронист Илья Миронов слышит эту музыку иначе — через вибрации труб отопления и гул турбин ТЭЦ-3. Писательница рассказывает историю о том, как один человек может услышать правду там, где все спят.

© Канвас А., 2026

© Автор, 2026

Анна Канвас

Синхронист

Глава 1. Белый шум

Октябрь в Ленинграде всегда пах одинаково: мокрой шерстью, дешевой табачной смолой и озоном от трамвайных дуг. Для Ильи этот город был беззвучным аквариумом. Толстое стекло кабины синхронного перевода на телестудии на Чапыгина отрезало его от мира двадцать пять лет назад, когда менингит выжег слуховые нервы. Но мир не оставил его в покое.

Илья ненавидел ночь. Ночью бетон ленинградских панелек становился прозрачным. Сквозь него шел звук — не тот, что бьет по барабанным перепонкам, а другой. Глубокий, утробный вздох земли под городом. Днем вибрация жизни забивала всё: лязг трамваев на Литейном, шарканье миллиона подошв по граниту, стук метронома в репродукторах. Но после полуночи студия пустела, и плита под ногами начинала дышать.

Диктор программы «Время» беззвучно открывал рот. На часах было 23:45. Слова «рекордный урожай свеклы» Илья знал наизусть — они пахли прелой сыростью овощного подвала на Разъезжей. Его пальцы порхали в воздухе, переводя государственную ложь на язык жестов для слабослышащих телезрителей. Он ударил ладонью по толстому плексусу перегородки. Вибрация отозвалась тупой болью в запястье. Это был его способ аплодировать.

В два часа ночи он вышел из гулкого вестибюля телецентра. Трамвая не было полчаса. Илья прислонился плечом к ледяному фонарному столбу. Фонарь гудел низким *«до»*. Илья считал секунды между вспышками дуги. Двадцать две. Значит, напряжение стабильное. Город еще жив.

Он пошел пешком до Обводного канала. Путь занимал сорок минут размеренным шагом. По дороге он зашел в дежурный гастроном. Кассирша молча отсчитала сдачу мелочью и положила сверху два сиреневых талона на мясопродукты. Илья ссыпал медяки в карман плаща. Мелочь звенела глухо, как камни в ведре с песком.

Квартира встретила его запахом остывшего утюга. Аня сидела на полу в гостиной спиной к двери. Она была слишком тихой. За семнадцать лет жизни со сводным братом тишина стала их общим языком, но сегодня эта тишина была неправильной. Обычно сестра заполняла ее хлопками в ладоши или топотом, пытаясь пробить вибрацией воздух. Сейчас она замерла.

— Что это? — спросил Илья, опускаясь на колени. Он взял ее за плечи, стараясь не трясти. Его руки знали язык костей лучше, чем слова.

Аня ткнула пальцем в центр спирали, нарисованной синим фломастером прямо поверх бежевых обоев. Рисунок напоминал кардиограмму мертвеца — идеальные, затухающие волны. Затем девочка приложила палец к губам, требуя абсолютной тишины. Потом сунула мизинец в розетку между стеной и старым советским радиоприемником «Днепр».

Илья замер. Он не боялся тока. Он боялся того, что сестра сейчас услышит то, чего нет уже четверть века. Звук собственного имени, произнесенного вслух.

Аня закрыла глаза. Уголки ее губ дрогнули и поползли вверх, растягиваясь в неестественной, пластмассовой улыбке. Она начала медленно раскачиваться взад-вперед, словно мать над колыбелью. Из розетки не шло электричество — оттуда лился свет. Мягкий, янтарный, пахнущий нагретым канифолью припоем и почему-то ванильными сухарями. Тот самый запах из передач «С добрым утром!» времен маминой молодости.

Илья резко выдернул сестру из-под стола. Аня безвольно мотнулась в его руках, продолжая улыбаться в потолок. Ее зрачки были крошечными точками. Она смотрела на несуществующее солнце.

Всю ночь Илья просидел на кухне, глядя на спящую сестру. Аня больше не плакала по ночам от того, что мир оглох. Теперь ей снились цветные сны, от которых она просыпалась счастливой и пустой. Утром, пока грелся чайник, Илья достал с антресолей старый инженерный справочник связиста. Развернул на странице с картой телевышек города. Подошел к обоям. Спираль Ани в точности повторяла схему расположения ретрансляторов Купчинского узла. Кто-то рисовал карту вышек прямо на стенах квартиры, используя мозг девочки вместо кальки.

Следующей ночью писк прорвался сквозь ватную глухоту. Илья сидел за кухонным столом, механически перелистывая страницы журнала «Радио». *Тук. Пауза. Тук-тук.* Ритм был слишком сложным, математически выверенным, как пульс идеальной машины. Если представить, что труба отопления — это струна, то весь Ленинград сейчас играл одну и ту же низкую ноту.

Звук шел не от соседей. Илья методично выключил холодильник. Выдернул из стены шнур телевизора. Перевел пакетники в щитке на лестничной клетке в положение «выкл». Писк остался. Он понял, что сигнал идет через массу. Через воду, металл и камень.

В ванной он открыл лючок, ведущий к стояку. Труба горячего водоснабжения была теплой и живой. Илья достал из футляра старый медицинский стетоскоп — наследство от детской больницы — и прижал холодный металлический диск к ржавому железу. Мир исчез окончательно. Осталась только частота. Чистое, холодное знание без посредников. Сигнал передавался прямо по теплоцентрали, обходя эфир.

Нужно было записать волну, чтобы увидеть ее структуру. Спать Илья больше не мог. Он прошел в кладовку, разгреб коробки с елочными игрушками и старыми учебниками сестры и вытащил бобинный магнитофон «Яуза-207». Аппарат весил почти десять килограммов. Илья отнес его в коридор, поближе к распределительному щиту. Раскрутил боковую панель микрофона. Вместо мембраны он впаял туда самодельный датчик индукции — медную катушку, перемотанную изолентой. Примотал конструкцию скотчем к горячей трубе в туалете.

Нажал кнопку записи. Магнитофон тяжело вдохнул, закрутились блестящие колеса. Красный глазок индикатора загорелся ровно и уверенно. Илья сел на край ванны и стал ждать. Запись длилась три минуты. Когда пленка кончилась, он перемотал ее вручную, щелкая клавишей ускоренной перемотки. Чтобы услышать результат, ему не нужны были динамики. Он открутил крышку кассетника, вынул черную плоскую колонку размером с пачку чая и прижал ее к нижней челюсти, где кость выходила ближе всего к коже.

Из динамика полился белый шум. Ровный, шипящий фон. Илья прибавил громкость регулятором на проводе. Шипение уплотнилось. Внутри него проступили те самые ритмичные удары. *Тук-пш-ш... Тук-тук-пш-ш...*

Но вместе с ними, вторым слоем, записалось кое-что еще. Едва уловимый акустический артефакт. Отражение звука от кафеля. Скрежет чьего-то ногтя по стеклу душевой кабины. И чей-то быстрый, испуганный шепот, который аппаратура поймала, отразив от вибрации трубы. Голос был женским. Одно слово:

— Помогите.

Входная дверь содрогнулась от тяжелого удара. Замок выдержал.
Ударили снова. Дерево треснуло у косяка.

Илья сорвал челюстной динамик. Сердце ударило в ребра так сильно, что перед глазами поплыли белые пятна — чистая кинетика страха. Он метнулся в прихожую.

На пороге стояли двое мужчин в одинаковых серых плащах польского производства. Они ничего не говорили. Один из них просто держал в левой руке раскрытую корочку КГБ, повернув ее так, чтобы тусклая лампочка Ильича падала точно на золотой герб. Второй мужчина протянул Илье картонную папку с белыми завязками.

Илья смотрел на красные тесемки. Его руки все еще мелко дрожали от холода металла и чужой тайны. Он медленно, двумя пальцами, развязал узел. Внутри лежали глянцевые синьки чертежей той самой новой башни на улице Чапыгина. Архитектурные разрезы машинного зала. Кабель-каналы. Схема заземления.

Под бумагами белел лист бумаги. Короткая фраза, напечатанная на черной механической «Оптиме» одним четким ударом. Без подписи. Без даты.

«Нам нужен настройщик».

Интерлюдия. Кабинет на Литейном

За окном начал накрапывать дождь, смывая с асфальта дневную грязь. Полковник Громов снял очки в роговой оправе и устало потер переносицу. Кабинет на третьем этаже Большого дома казался необитаемым без привычного гула ламп дневного света — здание экономило энергию.

Перед ним на зеленом сукне стола лежала кассета, изъятая у объекта. Громов нажал кнопку воспроизведения на массивном диктофоне. Послышалось тяжелое дыхание человека, затем скрежет металла. А потом ровный цифровой пульс. Идеальный ритм.

Полковник прикрыл глаза. Он слышал этот ритм раньше. В сорок втором, в промерзшей квартире на Мойке, когда его мать гладила его по голове и уверяла, что хлеб скоро привезут, хотя карточки давно сгорели в буржуйке вместе с паркетом. Ей тоже снились цветные сны. Ему тогда было шесть, и он верил.

— Как быстро он вычислил канал? — не открывая глаз, спросил полковник в пространство.

— Меньше суток, — ответил голос невидимого адъютанта из угла. — Наш аналитик считает, что объект использует костную проводимость. Он читает город телом.

— Тем проще, — кивнул Громов. — Мы предложим ему сделку, от которой тело не сможет отказаться. Подготовьте машину. Мы едем забирать нашего настройщика. Включите подачу на Купчино на тридцать процентов. Хочу посмотреть, как он будет спать этой ночью.

Глава 2. Эфир-3

Папка с чертежами жгла руки даже сквозь плотную бумагу. Илья не спал остаток ночи, сидя на полу в ванной и прижимая стетоскоп к трубе. Писк изменился. После визита людей в серых плащах частота стала ниже, агрессивнее. Теперь сигнал пульсировал в ритме человеческого шага — ровно семьдесят ударов в минуту. Кто-то внизу, в лабиринтах теплоцентрали, подстраивал город под биение собственного сердца.

Утром Аня проснулась тихой. Улыбка исчезла, но вместе с ней ушла и обычная детская живость. Она двигалась как механизм, которому забыли задать новую программу. На кухонном столе она выложила из хлебных крошек ту же спираль, что рисовала на обоях.

— Что они передают? — спросил Илья, опускаясь перед ней на корточки. Он говорил медленно, четко артикулируя, зная, что сестра читает по губам так же хорошо, как он сам когда-то слышал.

Аня посмотрела на него пустыми глазами, затем ткнула пальцем в сторону радиоточки. И провела ребром ладони по горлу. *Они хотят заставить всех замолчать.*

Илья знал только одно место, где можно найти правду о городских коммуникациях без риска быть пристреленным охраной режимного объекта. Публичная библиотека на Садовой. Архивный фонд технической документации.

В зале пахло мышами, пылью и застарелым клеем переплетов. Высокие сводчатые окна выходили на канал Грибоедова, но дневной свет сюда почти не проникал, поглощенный высокими стеллажами. Илья работал методично. Он игнорировал современные справочники связи. Если проект секретный, его следы будут лежать в довоенных или ранних послевоенных фондах, куда бумаги сдавали по ошибке, путая грифы «Для служебного пользования» и «Совершенно секретно».

Он перебирал папки Института экспериментальной акустики. Год 1942-й. Донесения санитарных врачей осажденного Ленинграда. Сухой канцелярский язык: *«Зафиксированы массовые слуховые галлюцинации среди дистрофиков I и II степени. Больные утверждают, что слышат гул работающего завода "Светлана" и музыку из репродуктора, хотя подача электроэнергии прекращена...»* На полях карандашом пометка главврача: *«Эффект коллективного бреда. Усиливать выдачу кипятка для поддержания кровообращения мозга».*

Дальше — 1953 год. Протоколы допросов сотрудников НИИ-38. Дело «Волна». Илья надел нитяные перчатки. Тонкая бумага ломалась от сухости. Отчет майора госбезопасности:

> «Объект (сторожевая вышка порта) начал транслировать низкочастотный синусоидальный сигнал. В радиусе трех километров персонал докладывает о беспричинной эйфории. Лейтенант Смирнов пытался разбить голову о стену, утверждая, что "голоса велят ему смеяться, пока легкие не лопнут". При попытке приблизиться к источнику группы захвата теряли ориентацию в пространстве, фиксируя яркий белый свет...»

Илья пролистнул несколько страниц. Заключение комиссии: «Проект закрыт ввиду неконтролируемого резонанса. Вышку законсервировать. Материалы исследований передать в архив Спецотдела». Подпись размашистая, знакомая по стилю росчерка — полковник Громов. Тот самый.

Самый свежий след нашелся в отделе периодики. Журнал «Радиолобитель», октябрь 1977 года. В колонке писем читатель из Купчино жаловался на странные наводки:

«Товарищи инженеры! Мой самопальный усилитель ловит какую-то дичь. Когда я подключаю гитару, вместо звука идет ровная цифровая строчка, похожая на азбуку Бодо, только быстрее. Соседи говорят, у них то же самое. По ночам вода в трубах гудит так, что ложкам в стаканах тесно. Участковый сказал, это новые насосы на Южной ТЭЦ пускают, но ведь ТЭЦ южнее нас на пять километров, а гудит прямо под полом!»

Редактор ответил стандартно про неисправность заземления. Но дата письма совпадала с датой внезапного открытия новой ветки метро, которая прошла аккуратно под спальниками Купчино.

Илья закрыл журнал. Спираль Ани, карта вышек, трубы теплоцентрали, старая башня на Чапыгина. Это не просто трансляция. Это гигантская фазированная антенная решетка. Городские коммуникации — арматура, водопровод, рельсы — работают как единый излучатель. Они используют гранит набережных как резонатор. Ленинград сам по себе — один огромный камертон. Проект «Гармония» никогда не закрывали. Его просто переименовали.

От долгого сидения в неудобной позе заныли колени. Илья потер слезящиеся глаза. Запах пыли внезапно стал невыносимо сладким, приторным. Как запах тех ванильных сухарей из сна сестры. Воздух в зале загустел. Шорох переворачиваемых страниц на дальних столах стих. Библиотекарша за кафедрой замерла с открытым ртом, забыв выдохнуть. Посетители — студенты и старички — превратились в восковые фигуры.

Только женщина за соседним столом продолжала быстро писать. Вера. Та самая инженер из НИИ, к которой Илья ходил месяц назад чинить старый синтезатор «Поливокс». Тогда она показалась ему обычной уставшей специалисткой. Сейчас ее пальцы летали над бумагой со скоростью пулемета, лицо было бледным до синевы, а губы беззвучно шептали формулы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.